

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Третьяк Артур Романович

**ПОНЯТИЕ «МНОЖЕСТВО» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ОТ
МАКИАВЕЛЛИ ДО НЕГРИ И ВИРНО**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание учёной степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
Филиппов А.Ф.
д. социол. н., проф.

Москва – 2021

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Развертывающиеся сегодня во всем мире — от Западной Европы и России, от США и Латинской Америки до Ближнего и Дальнего Востока — бурные политические процессы, в которых с нарастающей силой задействуются слои, группы, массы населения, совершенно по-новому, нежели всего несколько десятилетий назад, ставят вопрос как о соотношении индивида и окружающей его социально-политической реальности, так и о сущности субъекта, формирующего эту реальность. В свете этих тенденций некоторые прочно утвердившиеся концепты политической философии меняют свою прежнюю теоретическую значимость. Понятия «масса» и «множество» являются одними из таких примеров.

Проблема массы — народа, толпы, массового человека — занимала умы многих социальных и политических философов, психологов, социологов, что в XIX и XX веках вылилось в огромное разнообразие концепций. Авторы этих учений с самых разных, порой диаметрально противоположных позиций анализировали феномен «массы», пытаясь раскрыть ее сущность и понять, каким образом она действует в политическом пространстве. Но в конце XX века и особенно на переломе XX-XXI веков ситуация изменилась. На фоне кризиса всех базисных форм социально-политической организации, сложившихся за предшествующий период, в отражающем эти процессы дискурсе современной политической философии на первый план стало все больше выдвигаться понятие «множество», последовательно вытесняя собой понятие «масса».

Поскольку трансформации этого рода разворачиваются в контексте кризисных тенденций, то закономерно, что разработка проблемы множества в контексте современности обрела критическую направленность, получив первоначальное освещение в рамках неканонического марксистского дискурса, а именно в работах таких известных итальянских теоретиков в

сфере политической философии, как Паоло Вирно и Антонио Негри, к исследованиям которых примыкает ряд других аналогично мыслящих авторов.

Поиск нового субъекта политического действия связан с потребностью пересмотреть прежнюю традицию политического мышления и найти в ней подходящий концепт. Это обстоятельство влияет на дизайн новой доктрины множества. Доминирующее до этого понятие «масса» для разработчиков доктрины множества представлялась концептом, который уже не удовлетворяет современным условиям общественной жизни. Множество, по мнению Негри, не равнозначно массе, она однородна и не сохраняет социальных различий¹. Если проблема «массы», «массового человека», «народа» сводится, в конечном счете, к идее пассивного механизма, который задает движение людей в политическом пространстве, то множество наделяется субъектным содержанием и выступает как активное начало, способное на созидание в социально-политической деятельности самого разного рода, будь то митинги, массовые движения, дискуссии, дебаты, всевозможные перформансы, вплоть до актов «прямого действия».

Подобная интерпретация понятия «множество» объективно предполагает развенчание той линии в социально-философском и теоретико-политическом мышлении традиции, которая апеллирует к трансцендентным началам по линии «Гоббс — Руссо — Гегель и далее», что одновременно способствует возрождению интереса к разрабатывавшим концепт множества теориям имманентного порядка, в частности к соответствующему разделу учения Спинозы. Современная доктрина множества создается в противовес, с одной стороны, понятию «народа», с другой, понятию «массы». При этом, множество возникает на том месте, в котором революционно настроенные мыслители рассматривали положение рабочего класса: это точка сборки радикального субъекта. Никакой «революции» множества, безусловно, не

¹ Хардт и Негри 2006: 5.

произошло, но идея, или лучше сказать, надежда, кроется в потенциальных, скрытых силах, возникающих в современном обществе, и которые еще не нашли подходящего описания. Поэтому множество изначально мыслится как политический субъект, в то же время, это и проект, которому надлежит раскрыть себя в будущем.

Однако авторы, описывающие проблему множества в оптике построения особой политической субъектности, сталкиваются, на наш взгляд, с целым рядом трудностей. Во-первых, избранный ими угол зрения предопределяет доминирование логики классового подхода, следуя которому множество надлежит рассматривать либо как некое подобие пролетариата индустриальной эпохи, либо как некий «новый опасный класс» (Гай Стэндинг), который время от времени выходит наружу из исторического подполья. Во-вторых, подобная оптика заранее предопределяет необходимость выбора только одного варианта из альтернативы «множество — народ (масса)», а именно вариант множества в качестве единственно адекватного политического субъекта, равно как и соответствующего подобному подходу способа концептуализации. Нет смысла специально доказывать, что подход этого рода страдает ограниченностью и как минимум обедняет понимание современной политической реальности.

Подобная трактовка множества известна широкой публике по текстам Негри, Хардта и Вирно. Если не углубляться в детали, мы получаем проект множества как новое имя для субъекта политической реальности, призванного осуществить революционные изменения (не обязательно производя реальную революцию). Однако стоит задаться вопросом, можно ли свести множество лишь к субъекту, есть ли другие подходы к множеству в истории политических учений. Доминирующая сегодня доктрина множества не отвечает на этот вопрос и «затеняет» эту проблематику обширно разработанными теоретическими конструкциями.

Следует признать, что актуализированный в текущих социально-политических условиях феномен множества представляет собой проблему, которая имеет достаточно долгую предысторию и которая способна обостряться в конкретных исторических обстоятельствах, нуждаясь при этом в обновленном творческом осмыслении. Так или иначе, проблема множества требует сегодня более объемного взгляда, нежели тот, что был реализован в новейших теоретических разработках. В связи с этим возникает необходимость выйти за рамки простой констатации проблемы и дать аргументированный, теоретически обоснованный ответ на вопрос, почему вместо теории массы с её уже значительной философской традицией исследователи возвращаются сегодня назад, делая попытки заново ставить проблему множества?

Всё это дает основания утверждать, что в наши дни, когда современная политическая теория, сформировавшаяся в своих основах в период Нового времени, переживает кризис, есть смысл вернуться к исторической развилке, к тому пункту, в котором сам концепт множества дал начало всем позднейшим теоретическим модификациям и более конкретным социально-политическим концептам. Этот пункт обозначен именами Спинозы и Гоббса — авторами тех политических учений, которые сформировали само нынешнее видение политической реальности, включая характер отношений между личностью и государством в качестве предельного воплощения социального целого. В соотнесении взглядов этих мыслителей на проблему множества с учетом их влияния на современные версии и подходы к решению данной проблемы и планируется приступить к историко-философскому исследованию множества с намерением последовательно провести его через последующие исторические этапы вплоть до наших дней.

Степень разработанности темы исследования

Следует отметить крайне слабый интерес к проблеме множества в русскоязычной академической сфере, занятой политико-философскими исследованиями. Между тем, в зарубежной литературе к теме множества обращаются очень активно, в особенности, это заметно после выхода ключевой работы Хардта и Негри «Империя», где впервые этот концепт помещается в центр политического анализа и концептуализируется как сила, которая сопротивляется глобальному порядку Империи. Помимо данного исследования мы обращались к работам различных авторов, которые пытались прояснить проблематику множества, критически анализируя основные положения теории этих авторов. Большой обзор на философское наследие Негри и Хардта предпринимается в исследовании Зару Э²., где рассматриваются ключевые проблемы и основные понятия теории множества, которые обсуждаются уже около 20 лет после выхода «Империи» Негри и Хардта. Автор задается вопросом, что такое множество на самом базовом уровне и каким образом это понятие соотносится с марксистским теоретическим контекстом нашего времени. Шапиро К³., Морфино В.⁴ и Годдард М.⁵ подробно исследует вопрос возникновения самого дискурса о множестве в политическом мышлении Негри, заостряя внимание на том, как негрианская интерпретация Спинозы способствует новому прочтению самого понятия.

В работах Харрисона О.⁶, Тампью Н.⁷, и Морейраса А.⁸ проведен критический анализ новой доктрины множества: авторы пытаются ответить на вопрос, почему множество является политическим субъектом, каким образом множество может проявлять себя в политической реальности, посредством чего оно действует и т.д. Уильям Маццарелла – один из

² Zaru 2019.

³ Shapiro 2003.

⁴ Morfino 2014.

⁵ Goddard 2011.

⁶ Harrison 2014.

⁷ Tampio N. 2009.

⁸ Moreiras 2010.

немногих авторов, кто задается вопросом о соотношении понятий «множество» и «масса» в историческом контексте: последняя является популярным концептом социальной философии, в особенности в конце XIX и начале XX века; в то же время при этом, исходя из самой семантики слов, создается впечатление, будто множество и масса являются, по крайней мере, синонимичными понятиями. Маццарелла⁹ сопоставляет эти два понятия в своей статье, что позволяет не просто провести исследовательские параллели, но и зафиксировать глубинные различия двух концептов социальной и политической философии.

В отечественной литературе вопрос о политической сущности множества изучен значительно меньше, но можно выделить работы нескольких авторов, которые обращались к этой проблеме, среди них тексты Сосны Н.Н.¹⁰, где исследуется проблематика множества в рамках теории медиа; Кагарлицкого Б.Ю.¹¹, который обрушивается с критикой на сам проект множества и «Империи»; Пензина А.А.¹² и Иноземцев В.Л.¹³, где даются ценные комментарии и прояснения по поводу многих ключевых проблем современной доктрины множества.

Говоря о классической доктрине множества, невозможно не упомянуть и творчество Макиавелли, который задал основы понимания множества в русле проблемы управления хаотической материей политической реальности. Исследований, посвященных политической теории Макиавелли, существует огромное количество, нет смысла упоминать их всех, стоит осветить лишь несколько ключевых фигур тех теоретиков, кто в своих работах осветил подход флорентийского мыслителя к проблеме множества. В этом ряду следует выделить, прежде всего, работы Ф. Луккезе¹⁴, В. Морфино¹⁵, Ф.

⁹ Mazarella 2010.

¹⁰ Сосна 2013.

¹¹ Кагарлицкий 2004.

¹² Пензин 2004.

¹³ Иноземцев 2006.

¹⁴ Lucchese 2015.

¹⁵ Morfino 2019.

Гилберта¹⁶ и др. Морфино, в частности, проводит детальный анализ связки «Макиавелли-Спиноза» в работе «The Spinoza-Machiavelli encounter»; в этом тексте он показывает, как работает и как развивается та линия политического мышления, что, по мнению автора, противоположна гоббсианской политической мысли. Помимо этого, большой вклад в разработку проблематики множества в историко-философском контексте (в частности, относительно позиции Спинозы) внес сборник, составленный Р. Капорали, В. Морфино и С. Визентин «Spinoza: Individuo e Moltitudine»¹⁷, в котором собраны многие значительные работы, написанные итальянскими исследователями, среди которых присутствует и сам Негри. Здесь актуальность спинозизма демонстрируется через анализ понятия власти, государства, аффекта и т.д.

Классическая доктрина множества в ее исходном варианте не является объектом большого интереса для Вирно, Хардта и Негри – авторов текстов, в которых впервые ясно очерчивается возвращение проекта *multitude* в политическую философию. Вирно в «Грамматике множества» указывает¹⁸, что Гоббс и Спиноза являются «отцами основателями» современной теории множества, но анализу этого суждения он уделяет всего несколько страниц, где пытается продемонстрировать радикальную оппозицию между двумя авторами. То же самое проделывает и Негри в своем тексте «Подрывной Спиноза» (*Subversive Spinoza*)¹⁹, но, в отличие от Вирно, он уделяет огромное внимание философии Спинозы, ее материалистической интерпретации, выводя отсюда свое видение политической проблемы множества. Гоббс служит для него негативным примером, его политическая философия базируется на понятии власти как трансцендентном начале.

¹⁶ Gilbert 1984.

¹⁷ Spinoza: Individuo e moltitudine, a cura di R. Caporali, V. Morfino, S. Visentin. Societa editrice “Il Ponte Vecchio”.

¹⁸ Вирно 2013: 10.

¹⁹ Negri 2004.

Таким образом, в работах Негри, Хардта и Вирно проблема классической доктрины множества остается раскрытой далеко не полностью, а философско-политические взгляды Гоббса и Спиноза представлены как две чистые оппозиции. Однако, рассматривая с современной точки зрения дискуссии XVII в., становится очевидно, что политическая проблема множества требует другого, более многостороннего — объемного — подхода. Как подчеркивает Славой Жижек, «у Спинозы понятие множества фундаментально двусмысленно: будучи, с одной стороны, производством сопротивления, оно вместе с тем обозначает то, что мы называем „толпой“ — дикий, „иррациональный“ взрыв насилия, который через *imitatio affecti* питается собой и „самовозбуждает“ себя. Это глубокое понимание Спинозы теряется в сегодняшней идеологии множества»²⁰. Что касается Гоббса, то его позиция также является далеко не простой и прямолинейной: он рассматривал политическую проблему множества в иной, нежели Спиноза перспективе и, по справедливому замечанию Микко Яконена, «не признавал политическую субъектность множества»²¹.

Тем самым выясняется, что для решения поставленной и определенной таким образом проблемы требуется искать иной, альтернативный сложившемуся подход к анализу доктрины множества, начиная с ее исходных, классических вариантов. В данной сфере имеется ряд серьезных разработок. Прекрасное исследование о понятии множества у Гоббса было проведено Микко Яконеном, финским исследователем, автором монографии «*Multitude in Motion: Re-Readings on the Political Philosophy of Thomas Hobbes*»²². Яконен реконструирует целостное представление о политической философии Гоббса. Автор рассматривает положение понятия множества в контексте всей политической теории Гоббса. Яконен интерпретирует проблематику множества через понятия «материя», «форма»,

²⁰ Zizek 2007.

²¹ Jakonen 2013: 48.

²² Jakonen 2013.

и «движение», что позволяет нам сделать шаг в сторону несубъектного подхода к множеству.

Балибар²³ очень внимательно прослеживает проблематику страха перед массами в философии Спинозы. Понятие «масса» и «множество» для него являются синонимичными, он не проводит между ними серьезного различия, как это делает Хардт и Негри, показывая, тем самым, что эти понятия относятся к одной и той же теме. Проблема множества в рамках классической политической философии Гоббса и Спинозы поднимается и у других авторов, к работам которых мы обращались в нашем исследовании: Филд С.²⁴, Армстронг А.²⁵, Магун А.²⁶, Малькольм Н.²⁷, Маферон А.²⁸, Такер Э.²⁹, Булл М.³⁰, Асторга О.³¹, Кристофолини П.³².

Вместе с реконструкцией классической доктрины множества, возникла необходимость обратиться к анализу феноменов массы и массового человека. Это связано с тем, что, во-первых, понятия «множество» и «масса» часто анализируют как синонимичные феномены. Следует отметить, что подобное неразличение характерно для русскоязычного текста «Империи», где термин *multitude* постоянно переводится как «масса». Правда, сам переводчик текста сознает этот факт: он ссылается на традицию переводов в политической философии и указывает, что, по его мнению, термин «масса» смотрится здесь более конвенционально. Тем не менее, неясность в употреблении этих терминов требует анализа и сопоставления. Во-вторых, с историко-философской точки зрения идея массы вошла в словарь социальной теории позднее, чем понятие «*multitudo*», и потому логично предположить, что концепт массы был сформирован в иных социально-политических реалиях,

²³ Balibar 1989.

²⁴ Field 2012.

²⁵ Armstrong 2009.

²⁶ Магун 2011.

²⁷ Malcolm 2008.

²⁸ Matheron 1997.

²⁹ Tucker 2015.

³⁰ Bull 2005.

³¹ Astorga 2011.

³² Cristofolini 2007.

будучи призван дать ответы на другие политические вызовы, нежели концепт множества.

Изучение истории понятия требует тщательного сопоставления двух концептов, чтобы можно было ответить на вопрос о том, как они соотносятся друг с другом: является ли теория массы продолжением политической логики множества? Джоди Дин ³³ предлагает свою версию развития логики политического субъекта, противопоставляя массу и множество. Множество, в ее представлении, лишено силы как коллективность, поскольку составлено из автономных сингулярностей. Обращаясь к теоретикам толпы, она исследует проблематику коллективности как отдельной силы, что действует в политической реальности. На примере ее работы можно наблюдать, что масса и множество могут сталкиваться как два альтернативных политических проекта описания политической.

Данным обстоятельством объясняется новое обращение к историко-философской традиции, уже применительно к феноменам массы и массового общества, которые были рассмотрены в многочисленных работах философов, социологов, антропологов, последовательно фиксируя данную проблему как исторически возрастающий в своей значимости элемент политической реальности. Обращаясь к этим работам, мы стремились реконструировать понимание массы с опорой на новейшие достижения теоретической мысли, давая ответ на ряд вопросов: что она представляет на базовом социально-политическом уровне, что означает появление массы на сцене истории, какова ее роль в контексте современной политической реальности. Поэтому, помимо всех перечисленных выше теоретиков, наше исследование включает в себя анализ и критическое сопоставление учений таких авторов, как Х. Ортега-и-Гассет, Г. Лебон, Г. Тард, Э. Канетти, Ж. Бодрийяр и других, что, будучи подчинено логике выстраивания единого

³³ Dean 2016.

нарратива массы, выступает в качестве необходимого компонента в общем процессе решения поставленной проблемы.

Объект и предмет исследования

Объектом данного исследования являются основные политико-философские теории, исследующие проблематику множества как совокупности индивидов, задействованных в пространстве социально-политической реальности европейского социума, начиная с Нового времени и вплоть до наших дней.

Предметом данного исследования выступают варианты осмысления феномена множества и массы в новейших дискурсах политической философии, включая соответствующие им экскурсы историко-философского порядка.

Цель и задачи исследования

Целью данной работы является историко-теоретическая реконструкция понятия множества в различных дискурсах политической философии. Для этого необходимо выделить и проанализировать основные сложившиеся подходы, которые определяют сущность понятия «множество», и провести переоценку наиболее авторитетных философских интерпретаций данного концепта. Только подобная, совмещающая историю и современность парадигма исследования способна ответить на возникающие, в связи с этим вопросы: почему в новейшей политической философии произошла реактуализация понятия множества и каким образом это понятие функционирует в словаре политической философии сегодня?

Для достижения этой цели требуется решение следующих задач:

1) Рассмотреть политическую составляющую философских учений Макиавелли, Гоббса и Спинозы, в рамках которых оформилось само понятие «множество». Выявить ключевые черты формирования понятия «множество» в рамках дискурса политической философии XVI и XVII веков.

2) Провести сопоставление понятий «множество» и «масса». Проанализировать те подходы и концепции, которые в последующем историческом и теоретическом развитии осуществляли теоретическую разработку феномена множества с опорой на понятие «масса», постепенно формируя условия для более адекватной интерпретации данного феномена в контексте современности.

3) Осуществить историко-политический анализ основных концепций современной теории, опирающихся на понятие «множество», определив исходные историко-философские предпосылки подобной интерпретации политической реальности.

4) С учетом выработанного таким образом многостороннего и более объемного подхода осуществить критическое переосмысление представленного в новейших теориях понятия «множество» и представить концептуализацию этого понятия в рамках изученных подходов политической философии.

Методологическая основа исследования

Одним из основных методологических предпосылок работы является историко-генетический метод, который позволяет определить содержание и статус исследуемых понятий в свете различных философских концепций, зафиксировать их соотношение, указать на оппозиции и пересечения в русле исследуемой проблематики. Это дает возможность зафиксировать политическую логику множества, а также выделить различные доктрины, в рамках которых выстраивается соответствующая политико-философская

модель. Сравнительный метод позволит проанализировать трансформацию различных доктрин множества, продемонстрировать неоднородность этих доктрин. Методологические трудности исследования возникают в связи с непроявленным различием между понятиями «множество» и «масса» или «толпа». Метод концептуализации поможет разобраться со смыслами этих понятий и систематизировать в качестве различных политических логик. В исследование включены элементы герменевтического метода, поскольку в процессе изложения планируется перейти от феноменологического описания исходно представленных феноменов к их целостному концептуализированному обоснованию. Для достижения целей, исходно поставленных в нашем диссертационном исследовании, предполагается синхронное использование всего комплекса указанных выше методов и подходов, что, на наш взгляд, позволит придать и самому процессу исследования, и излагаемому материалу, четкость и последовательность. Задача политической философии состоит в том, чтобы, прояснив сложность политической реальности в ее текущем, актуальном состоянии, помочь человеку ориентироваться в ней. Данной установки мы и планируем придерживаться в нашем исследовании, включая его методологическую составляющую.

Научная новизна исследования

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующих положениях.

1. В диссертации представлен опыт интерпретации понятия множества в современной политической философии, реализованный посредством реконструкции исходной доктрины, сложившейся в рамках классической философии Нового времени, а именно в философско-политических учениях Гоббса, Спинозы, а также Макиавелли. Показано, что понятие множества, выдвинутое ими в качестве базисного политического

концепта, соотносимого с понятием народа, предполагает более сложную корреляцию между двумя понятиями, нежели прямое противопоставление и антагонизм.

2. Раскрыта теоретическая значимость концепций «массы» и «массового общества», которые в XIX и XX веках стали основным передаточным звеном между использующими понятие «множество» классическими (непосредственно наследующими Гоббсу и Спинозе) и новейшими (выработанными в последние два десятилетия) доктринами политической философии. Было продемонстрировано, что масса является реинтерпретацией понятия множества в русле подхода Гоббса, Спинозы и Макиавелли.

3. В рамках историко-философского дискурса политической философии проанализированы классические и современные подходы к проблеме множества и ее понятийному оформлению в качестве двух различных вариантов интерпретации политической реальности, что в конечном счете позволяет оценить множество не как угрозу социальной стабильности, а как объективный фактор, в разных исторических условиях обретающий специфическую форму и каждый раз требующий обновленного творческого осмысления.

4. С опорой на выдвинутую в рамках доктрины неклассического марксизма концепцию нематериального труда представлена концептуализация современной доктрины множества как республики друзей, основанной на проблематике общего. В итоге удалось выделить два больших подхода к концептуализации множества, один из которых представляет множество как хаотическую материю политической реальности, что нуждается в контроле и организации. Другой подход, связанный с именами Негри, Хардта и Вирно, иллюстрирует возможность описания множества как политического сообщества друзей, в котором проблематика материи заменяется на возможность субъективации бесконечного количества идентичностей, объединённых в общее пространства сообщества.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Современная политическая доктрина множества не может быть понята вне контекста той трансформации, которая произошла с классическими понятиями политической философии, сложившимися в раннее Новое время, – понятиями народа и множества, равно как и вытекающими отсюда концептами власти и политического управления. Поэтому сам факт реактуализации понятия «множество» в новейших дискурсах современной политической философии (Негри, Хардт, Вирно и др.) может быть объяснен лишь в рамках историко-философского подхода.

2. Обращение к работам Макиавелли, Спинозы и Гоббса позволяет рассмотреть тему народа и множества в качестве двух фундаментальных вариантов концептуализации политической реальности, апеллирующих к различным модусам политического бытия. В политическом словаре Макиавелли тематизация этого рода предстает как проблема управления политической реальностью через воздействие на неорганизованную политическую материю, представленную в образе вещей и людей, неспособных к самостоятельной политической активности. Подобным же образом рассуждает и Гоббс, также рассматривая множество сквозь призму проблемы политического управления: государство — Левиафан — упорядочивает движение множества автономных человеческих индивидов, преобразуя его в народ через внешнее воздействие; не зря его главный трактат носит подзаголовок «Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Политическое учение Спинозы наследует гоббсианской линии политического мышления о множества, но при этом, вносит ряд совершенно новых моментов. Спиноза отчасти отказывается от политического словаря Гоббса и занижает роль государства. Он исходит из того, что аффекты людей подлежат обузданию не посредством государственной власти, а посредством самоконтроля, стимулированного

заботой индивида о самосохранении. Государство при этом не исключается, но ограничивается: его активность направляется на создание более благоприятных условий для реализации подобного индивидуального стимула. В последующие исторические эпохи доминирующее положение в политической философии именно концепция Гоббса заняла доминирующее положение: она не только предопределила сам способ мышления о политике в координатах «либерализм – консерватизм», но сформировала соответствующий понятийный словарь, в котором понятие множества ушло на второй план.

3. Политическую логику массы можно представить как реинтерпретацию понятия «множество» в реалиях XIX и XX веков. Важное отличие концепта массы от классической доктрины множества состоит в том, что на первый план здесь выходят аспекты, связанные с индивидуальным поведением и теоретически оформляющиеся в виде доктрины «массового общества» и «массового человека». Ключ к пониманию массы в учениях этого рода – исследование устройства ее внутренней структуры посредством ответа на вопрос, какие психологические (внутрииндивидуальные) механизмы задействуются, когда масса проявляет себя. На фундаментальном уровне масса и множество описывают схожую проблематику: существование неконтролируемой и хаотической массы как субстанции политической реальности может представлять политическую проблему. При этом, как и в классической доктрине множества, масса мыслится в качестве негативного элемента политической реальности, что представляет собой угрозу для политической стабильности.

4. Появление понятия множества в современном политическом дискурсе связано с более рефлексивными установками, которые нацелены на создание новой политической доктрины. Работы Негри и Хардта с одной стороны опираются на классическую философию, но с другой стороны, они воссоздают эту традицию заново, включая в свой анализ новые понятия. Понятие множество возникает из критического исследования философии

Спинозы, однако авторы наделяют его совершенно другими чертами, которые отвечают тем современным проблемам, с которыми сталкиваются Хардт и Негри. Множество возникает уже в сложившемся дискурсе политической теории, где этому понятию предстоит конкурировать с другими теориями. Это обстоятельство определяет логику развития концепции множества. Разработчики этой теории сразу ставят множество в оппозицию другим сходным понятиям, таким как класс, масса и народ, тем самым создавая иную онтологию множества, которая будет основана не на историчности, а на коллективном плане имманентности, что не зависит от исторических событий. Поэтому с самого начала своего возвращения в политический дискурс множество предлагает совершенно другой подход к интерпретации политической реальности по сравнению с классической политической теорией.

5. В политической теории возникает два совершенно различных и несоизмеримых подхода к толкованию проблематики множества. Первый подход, который объединяет классическую трактовку *multitudo* и теорию массы можно описать как задачу контроля и организации хаотической и разрозненной политической материи, которая возникает в политической реальности и может быть дестабилизирующим фактором. Контуров нового политического субъекта современности очерчиваются в виде ансамбля автономных множеств, представленных как отдельными индивидами, так и отдельными социальными группами, которые, будучи объединены общей целью преодоления отчуждения и ликвидации господства, взаимодействуют друг с другом в рамках единого контрgegемонистского антиглобализационного проекта. Поэтому второй подход радикально переворачивает основные понятия политической философии, и превращает множество из материи в активное сообщество, республику друзей, которая обладает имманентными силами, что позволяет без внешней организации и контроля образовывать продуктивную коммуникацию.

б. Таким образом сама тема множества в политической философии, оказывается запертой между двумя языками описания, что порождает четкие дихотомии: контроль и свобода, организация и спонтанность, движение и действие, пассивная материя и активное сообщество. Оба подхода способны ухватить отдельные значимые элементы в том, как работает множество в политической реальности, но при этом они образуют совершенно различные логики несмотря на то, что разработчики современной доктрины множества часто ссылаются на классических авторов политической философии как исходный теоретический источник их идей.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Результаты диссертационного исследования расширяют теоретические знания о политической проблеме множества, о которой философы активно начинают говорить с конца 80-ых годов прошлого века. Наше исследование демонстрирует, что понятие «множество» в современной интерпретации значительно отличается от исконного политического смысла, которое это понятие имело в начале эпохи Модерна. Для прояснения этой ситуации, мы концептуализируем это различие в виде двух различных доктрин: классическая доктрина множества и политический проект *multitude*. Кроме того, в русскоязычной академической среде статус понятия «множество» был непрояснен в связи с систематическим употреблением понятия «масса», это заметно, например по переводу текста «Империя» Негри и Хардта на русский язык, где переводчик постоянно использует термин «массы» для обозначения *la moltitudine* в итальянской версии, или *multitude* в английской. Отсюда возникает вопрос о тождестве этих двух феноменов политической реальности: является ли масса и множество, выражаясь на языке схоластики, одной и той же субстанцией? Теоретическая значимость исследования заключается в том, что мы старались, используя ресурсы политической философии, прояснить эту путаницу и указать на фундаментальную не тождественность этих феноменов.

Практическая значимость работы состоит в том, что на материалах и выводах нашей диссертации можно построить специальные курсы, исследовательские семинары, написать учебные пособия по различным дисциплинам, как например политическая философия, социальная философия, история политических учений и т.п. Изложенные здесь тезисы могут быть интересны в рамках широкого спектра гуманитарной подготовки студентов, поскольку затрагивают многообразие тем из истории социальной и политической философии, работа познакомит читателей с актуальным политическим словарем современности, поможет сориентироваться в трудных концепциях. При этом работа может выступать в качестве теоретического базиса для проведения других, более практико-ориентированных исследований, в фокусе внимания которых будет политическая роль больших скоплений людей, поведение толпы и публики, политические действия и т.п.

Структура диссертации

Диссертационное исследование состоит из трех глав, заключения и списка литературы. Первая глава «Классическая доктрина множества» посвящена историческому исследованию этого понятия в политической философии XVI и XVII веков. Вторая глава «Политическая логика массы» рассматривает истоки феномена толпы, массы и массового человека, и причины обращения теоретиков к анализу этого феномена. В третьей главе «Современная доктрина множества» мы показываем, как появляется новая теоретическая доктрина множества, которая отталкивается, с одной стороны, от марксистской интерпретации Спинозы, с другой, отказывается от использования политической риторики, связанной с темой массы и массового человека и, тем самым, стремится показать свою оригинальность. В заключении, мы покажем причины повторной реактуализации понятия

множества в политическом словаре современности и резюмируем историко-философское развитие этой доктрины.

Апробация результатов исследования

Основные положения и результаты исследования были отражены в выступлениях автора на конференциях, лабораториях, международных школах и семинарах, среди которых:

- Доклад «Язык как праксис: к теории речевого акта Паоло Вирно» на конференции «Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности», УрФУ, Екатеринбург 26-28 апреля 2018
- Доклад «Интерпретация Паоло Вирно основных понятий политической философии Ханны Арендт», ИФ РАН, философская лаборатория №3, 11 декабря 2018.
- Доклад «Стратегии политической борьбы: позиционная война и тактика исхода», X международная конференция Школы философии Высшей школы экономики «Способы мысли, пути говорения», 22–26 апреля 2019.
- Доклад “Hobbes and the political problem of the multitude”, летняя школа «Playgrounds – ars, techné and the Socialization of People and Things» университет Падуи, Италия, 15-21 сентября 2019.
- Доклад «The political logic of multitude in Spinoza», выступление на семинаре в рамках курса "Teoria critica della societa", Милан, университет Милан Бикокка, 7 декабря 2019.
- Доклад «Классовый проект multitude», XI международная конференция Школы философии Высшей школы экономики «Способы мысли, пути говорения», 6-10 октября 2020.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** к настоящей работе раскрывается актуальность темы диссертационного исследования, говорится о степени научной разработанности темы, сформулированы цель и задачи, определены предмет и объект исследования, описываются методологические основания работы, кратко обозначаются основные положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования, раскрывается научная новизна исследования. В конце приводится апробация результатов диссертационного проекта.

Первая глава «Классическая доктрина множества» посвящена исследованию политического мышления о множестве в философии Нового времени. **Раздел 1.1.** начинает свое исследование с постановки проблемы о статусе понятия множества в политической философии. Сегодня интерес к доктрине множества появился благодаря исследованиям Антонио Негри, Майкла Хардта, Паоло Вирно и других авторов, однако сама тема множества является не новой для политической мысли, указанные авторы сами говорят о классической политической философии Нового времени как об истоке того мышления, с которым они собираются работать. Тем не менее, общая картина мышления о множестве остается не раскрытой, через отдельные замечания современных авторов о том, как множество осмыслялось в ту эпоху не всегда удается получить целостную и объемную картину. В первой главе предлагается прояснение классической доктрины множества, для этого мы постарались раскрыть смысл политической логики множества, через обращение к таким авторам как Томас Гоббс, Николло Макиавелли, Бенедикт Спиноза и другим.

Параграф 1.2. задает основы для понимания множества через категории материи и движения. Через тексты Макиавелли и Гвиччардини можно наблюдать как закладывается базисная доктрина *la moltitudine* как несамостоятельная и хаотическая материя политической реальности, что

нуждается в управлении и хороших законах. Без лидера, множество беспомощно, как считает Макиавелли, а его хаотическое движение подобно морской волне, дополняет Гвиччардини, что следует движению ветра, и при этом, политическая материя множества лишена стабильности порядка. Политическая проблема множества проявляется как необходимость управления этим движением и созданием стабильного порядка внутри политических сообществ. Люди, составляющие множество, сами по себе могут быть ни плохими, ни хорошими, но для стабильного политического порядка нужны хорошие законы, что могли бы упреждать негативные явления и развивать добродетель.

В разделах 1.3, 1.4 и 1.5 излагается политическая проблема множества в работах Гоббса и Спинозы. Для английского философа множество есть хаотичная материя, движение которой нуждается в регулировании путем заключения общественного договора и установления суверенной власти. Спиноза, с одной стороны, наследует Гоббсу, с другой — оппонирует ему. Истоки расхождений между двумя подходами к множеству прослеживаются в различии онтологий, связанных, в частности, с содержанием понятий движения, материи и тела. В этих разделах исследуются и отношения между множеством и государством. Гоббсова конструкция суверенитета трактуется как средство, призванное решить проблему множества, придав ему монолитную форму народа. В онтологии Спинозы урегулирование материи извне невозможно. Опираясь при объяснении динамики множества на концепт мощи и теорию аффектов, он формулирует идею о двоякой, одновременно разрушительной и созидательной природе множества.

Заключительный раздел первой главы предлагает общую перспективу на политическую логику множества в политической философии Нового времени. На основании проведенного анализа делается вывод, что классическая доктрина множества представляет множество не как политической субъект, а как первичный способ существования большой

совокупности людей в политической реальности. Множество может быть представлено как хаотическая материя политической реальности, оно, безусловно, является политической проблемой, задачей реальной политики. Чтобы с этим справиться, множество следует преобразовать в народ, как считает Гоббс, или создать оптимальные законы и добрый порядок, чтобы развивать добродетель, как видит эту проблему Макиавелли. Спиноза выделяет множество в качестве основания политического сообщества, признавая мощь множества (*potentia multitudinis*), но при этом, с самых первых страниц трактата заявляет, что множеством можно управлять и сдерживать в границах адекватного поведения, признавая, что для государства безопасность является важной добродетелью.

Вторая глава нашего исследования – *«Политическая логика массы»*, сталкивается со следующей исследовательской задачей: доминирование понятия «масса» в социологическом и философском словаре XIX-XX веков поднимает закономерный в контексте нашей диссертации вопрос о соотношении понятий «масса» и «множество», являются ли они феноменами одного порядка или, как не раз повторяют Негри и Хардт, множество неравнозначно массе: это различные политические сущности. Исследователи, такие как Уильям Маццарелла предлагают историческое решение этой проблемы: масса – это феномен эпохи индустриальной революции, когда огромные толпы людей наполняли города своим присутствием, что побуждало современников говорить о «веке толпы» или о приходе «массового человека». Множество – это тоже совокупность людей, но живущая в другую, цифровую эпоху и обладающая совершенно иным доступом и пониманием политической реальности. Стефан Джонсон проводит прямую связь между возникновением концепта массы и политической необходимостью репрезентации больших скоплений людей в политической реальности. Тем не менее, остается философская непояснённая, почему множество снова приходит на смену массам, и каким образом соотносятся эти понятия? В этой главе мы проанализируем

проблематику массы в контексте общей истории понятия *multitudo* в политической философии.

Раздел 2.1. «*Политический смысл теории массы*» исследует фундамент восприятия массы глазами различных теоретиков. В ходе анализа мы выяснили, что на фундаментальном уровне, теория массы развивает, схожую проблематику что и классическая доктрина множества, при этом, расширяя охват и количество тем, которые разрабатываются в рамках теории массы. Страх является одним из основных эмоциональных состояниях, с которым мы сталкиваемся, когда говорим о возможностях массы. Этот страх вызван не только возможной проблемой столкновения с огромными скопления людей, но и осознанием духовного и культурного кризиса, который связан с глобальными изменениями в политической структуре общества. Приход массового человека демонстрирует начало новой эпохи, когда традиционные политические институты Европы в XIX и XX веках проверяются на прочность и стабильность.

Политическая логика массы еще больше заостряет различие между элитами и остальными, составляющими большинство, что выражается через манифестацию больших скоплений людей в политической реальности. Многие, составляющие массу, не являются народом, политическая репрезентация на них не всегда действует, они подвержены аффектам и понижают статус индивида (который вне массы, как убежден Лебон, обладает более рациональными чертами). Масса не может обойтись без управления, устройство ее психологии завязано на фигуре лидера, первобытного Отца (Фрейд), поэтому на первый план выходит возможность контроля и организации массы.

В разделе 2.2 мы обратили свое внимание на различные полярности восприятия массы, которые можно обнаружить в истории политической и социальной мысли XIX и XX веков. Преобладает, безусловно, негативное видение массы, она порождает страх, тревожность относительного

культурного кризиса, что знаменует собой ее приход. Тем не менее, традиционно марксизм более позитивно относится к тем изменениям, что привносит с собой массовое общество: возникает революционный потенциал, который можно использовать. В «Словаре исторических понятий»³⁴ такая двойственность именуется амбивалентностью массы, и в данном разделе мы постарались эксплицировать эту логику, с опорой на идеи Арендт, которая крайне негативно относится к возможностям массового общества и марксизма, что наоборот, видит в массе субстанцию для революционных преобразований. Вопрос, который нас интересовал заключался в следующем: насколько амбивалентность массы, т.е. различие в ее восприятии и возможностях радикально способны поменять основную проблематику массы? Можно негативно относиться к массе, испытывать перед ней страх или связывать ее сущность с тоталитарными движениями, или наоборот, позитивно относиться к ее мобилизационным возможностям, видеть в ней потенциал для позитивного преобразования политической реальности (что мы рассмотрели на примере марксизма Плеханова, Ленина и Грамши) – в двух этих логиках узловая проблема остается прежней: массой необходимо управлять, обучать, контролировать и ограничивать в своем движении. Именно в этом смысле понятие массы функционирует в политическом словаре XIX и XX веков. Марксистские и либеральные авторы мыслят массу в категориях бесформенной материи, которое может расширяться и поглощать различные сферы, она может быть элементом политического кризиса, но эта материя самостоятельно не превращается в осознающего себя субъекта политической реальности.

Раздел 2.3. *«Порог амбивалентности массы: молчаливое большинство»* фокусируется на другой интерпретации возможной амбивалентности массы, что находит свое выражение в идее массы как молчаливого большинства, предложенного Бодрийяром. Само выражение «молчаливое большинство» является ярким политическим символом, оно

³⁴ Вернер, Гшницер, Козеллек, Шёнеман 2014.

может выражать скрытый потенциал массы, ее спонтанность и непредсказуемость. «Молчаливость» массы сталкивает нас с проблемой репрезентации и выражения. Политическая логика массы предстает как элемент ускользающего порядка. С одной стороны, всевозможные методы политического анализа пытаются выяснить волю и желания массы, ее выбор и предпочтения, с другой стороны, сама эта конструкция выглядит очень хрупкой и не всегда отвечающей реальности. Бодрийяр показал, что масса превратилось в большинство, лишённое голоса и смысла, сопротивляющееся социальному и навязыванию четких категорий. Масса — это не средний класс, не рабочий класс и не буржуазия, старые категории перестают адекватно описывать реальность. Здесь легко столкнуться с проблемой манипуляции. Бодрийяр показал, что прямая коммуникация с массами практически невозможна, масса не подает никаких сигналов. Поэтому в дело вступают практики, подобные заклинаниям и ритуалам, которые нацелены на ускользающий объект. Полученный продукт может быть представлен в виде навязываемого мнения или идеологической конструкции. Его работа наиболее ясно демонстрирует концептуальную невозможность представления массы как осмысленного политического субъекта, и большее приближает ее к молчаливой материи политической реальности, коммуникация и всякое взаимодействие с которой затруднено и никогда не будет достигать полноты: масса сохраняет спонтанность и непредсказуемость.

В разделе 2.4. «Масса как материя политической реальности» мы постарались найти другие теоретические подтверждения тем связям, которые обнаруживаются между логикой массы и множества. Теория массы, предлагаемая Канетти, дает более детальное представление об идее массы как материи или субстанции политической реальности. Если Лебон по праву считается основоположником социальной психологии массы, то феноменология массы Канетти делает шаг вперед. Здесь проблематика массы освобождается от старых оков, связанных с идеей непреложного варварства

массы. Как и Лебон, впрочем, Канетти прослеживает генезис массы еще с природного состояния, характерного для царства животных. Канетти говорит о стае, как о феномене, связанном с образованием скоплений людей, но еще не имеющего всех главных свойств массы, о которых мы уже сказали. В отличие от Лебона и других теоретиков массы, Канетти видит в массе нечто большее чем просто большое скопление людей, вступающих на арену истории. Масса — это символ, которых находит себя в различных культурах, в религиях и феноменах общества.

Финальный раздел второй главы 2.5. *Границы массы: между спонтанностью и управлением* предлагает итоговый опыт концептуализации массы в рамках общей истории понятия *multitudo*. Спонтанность является исходной онтологической чертой массы, в этом заключается идея непредсказуемости, эмоциональности, не рациональности, и склонности к прямому действию. Спонтанность массы делает ее существование невозможным без фигуры лидера, который может перевести спонтанность и стихийность в регистр контроля и направления. Помимо этого, спонтанность связана с проблематикой власти, а именно, спонтанный порядок не устойчив, и он не может гарантировать долгоиграющих властных институтов, но при этом сохраняет в себе энергию, или мощь, как выразился бы Спиноза. Политическая теория XIX и первой половины XX веков предлагает очень четкое решение относительно проблемы спонтанности. Непредсказуемость спонтанности нужно перевести в регистр ясного и осмысленного управления. Управление и контроль над массой позволит ей преодолеть спонтанность и при этом с пользой использовать те энергетические ресурсы, которыми она обладает. Но и в этом случае масса может представлять опасность, если попадет в тиски тоталитарной пропаганды. Тогда общество, в котором доминирует масса, охваченная тоталитарным движением, может пройти драматический политический опыт репрессий и насилия.

В **третьей главе** нашего исследования *«Современная доктрина множества»* мы приступаем к изучению устройства теории множества, которая разрабатывается начиная с конца 80-ых годов XX века, и получает ряд значительных публикаций уже в XXI веке. Среди таких текстов можно выделить совместные работы Негри и Хардта *«Империя»*, *«Множество: война и демократия в эпоху Империи»*, работу Паоло Вирно *«Грамматика множества»* и ряд других. В этой части диссертационного проекта было показано, как понятие «множество» вновь проникает в политической словарь современности.

Раздел 3.1 *«Спинозистские истоки новой доктрины множества»* обращается к изучению истоков формирования современной доктрины множества в творчестве Антонио Негри. Было показано, как новая проблематизация множества в политической теории строится на основании того концептуального фундамента, который закладывается при интерпретации Спинозы как «Дикой аномалии» (согласно одноимённой книге Негри: *L'anomalia selvaggia: Spinoza sovversivo Democrazia ed eternità in Spinoza*³⁵) по отношению к философской традиции XVII века. В работах Витторио Морфино и Майкла Годдарда мы обнаружили подробный анализ этого повторного открытия концепта множества как существенной части философского наследия Спинозы³⁶. Голландский мыслитель, в данном случае, не является просто предшественником Маркса, философия Спинозы прочитывается как основание для материалистической онтологии имманенции. Наше исследование показало, что ключевой момент в интерпретации Негри заключается в прочитывании множества как субъекта учредительной власти.

³⁵ В настоящей работе использовались, как и английский перевод так и итальянский первоисточник указанного произведения.

³⁶ См.: Goddard M. *From the Multitudo to the Multitude: The Place of Spinoza in the Political Philosophy of Antonio Negri* // *Reading Negri: Marxism in the Age of Empire*, ed. By Pierre Lamarche, Max Rosenkrantz, David Sherman, Chicago: Open court press, 2011., Morfino V. *The Multitudo According to Negri: On the Disarticulation of Ontology and History* // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2014, 26:2, 227-238.

Мощь множества (*multitudinis potentia*) является не просто политическим показателем силы, но и правовым основанием власти, в рамках политической философии Спинозы. Негри обращается к этому положению как центральному и делает из-за этого дальнейшие выводы. Концептуализация различий между понятиями *potentia* и *potestas* позволила развести множество и народ: в отличие от народа как элемента *potestas* — политической власти, которая опосредует отношения между людьми, вводя принцип трансценденции в виде репрезентации и фигуры суверена, множество с его коллективной мощью-*potentia* воплощает коллективный план имманенции, сопротивляющийся репрезентации, то есть не нуждающийся в ней субъект учредительной власти. Коль скоро множество является субъектом учредительной власти и в качестве такового непосредственно связано с возникновением политического тела, то оно и дальше должно играть активную роль в политической жизни.

Раздел 3.2. От спинозизма к марксизму очерчивает более ясные контуры того, как развивается новая доктрина множества и какие формы она принимает. Марксистские истоки новой доктрины множества предполагают наличие классового компонента, столкновение конкурирующих понятий «множество» и «класс» в этой теории неизбежно. Проблема решается через введение иной трактовки сущности класса. Новое понимание класса, которое предлагается Хардтом и Негри значительно порывает с традиционным представлением о классе как об антагонизме двух субъектов (Кнотт). Классовость множества на деле оборачивается логикой бесконечного субъекта, это не противостояние двух больших объединений, а потенциальная возможность включенности любой идентичностей в общее бесконечное сообщество. Это сообщество не может быть полностью реализовано здесь и сейчас, но множество как политический субъект уже проявляет себя в различных социально-политических обстоятельствах, как например различные социальные движения. Поэтому политическая философия множества является проектом, который как бы открыт в сторону

будущего. Он описывает реальность, знаки которой прочитываются сейчас, но еще полностью не реализованы. Проект множества представляется еще не совершившимся делом (*fait à accomplir*).

Разделы 3.3. и 3.4. задают основы для интерпретации современной доктрины множества как республики друзей. Из хаотической и пассивной материи, беспомощной (*inutile*) без лидера, как говорил Макиавелли, *multitudo* приобретает черты активного субъекта, не единого, но сохраняющего общность. Общность противостоит закрытости и выстраиванию четких иерархий. Политическая дружба раскрывает пространство открытой коммуникации, основанной на признании и уважении. Когда мы говорим о множестве, на первый взгляд, трудно представить постоянно воспроизводящиеся личные узы дружбы, но здесь можно обратиться к противопоставлению дружбы и любви. Арендт очень точно выстраивает различие между двумя формами межчеловеческих связей, помещая дружбу в публичное пространство. Политическая дружба обозначает пространство общности, в котором не обязательно реализуется полноценная близость и интимность, однако уважение и признание общности есть одни из главных критериев политической дружбы. Дружба не предполагает утверждение такой общности, которая утверждает полную гомогенность и отсутствие различий с одной стороны, и с другой, слишком сильное неравенство, которое грозит перейти в зависимость и подчинение. Политическая дружба, основанная на общности, избегает этих крайностей.

Понятия общего является центральным элементом для обоснования возможности множества как автономного сообщества. Можно сказать, что общим является все то, что соединяет людей между собой, общее является продуктом социальной кооперации: язык, эмоции, коды, смыслы, и даже материальные вещи. Помимо этого, общим является и природные условия, и ресурсы, в которых живет человек. Проблематика общего заключается в том, что капитализм присваивает «общее» себе на службу, тем самым отчуждая

общее от множества. Категория общего призвана преодолеть дихотомию публичного и частного: в рамках политического проекта множества важно учитывать общие способности, общий труд и общий интеллект. Логика общего, безусловно, напоминает идею коммунизма, она также имеет в себе революционный потенциал.

Однако проблематика общего имеет и свои парадоксы, и **раздел 3.5** анализирует один из них. Здесь большой интерес представляет концепция нематериального труда. Нематериальный труд для Вирно раскрывается как антропологическая проблема, человек — существо политическое, и Вирно полностью принимает этот тезис, и добавляет, что в самом процессе труда может быть найдена политика. Труд в современном капитализме приобретает черты политического действия, и происходит это благодаря тому, что определяющим качеством труда может быть названа виртуозность. Главным образом, Вирно хотел бы придать виртуозности политическое звучание. В постиндустриальном обществе труд рабочего на заводе не всегда сводим только к самому процессу производства товаров. Рабочий находится в постоянной коммуникации с другими.

Нематериальный труд подчеркивает увеличение значимости субъективной составляющей работника, т.е. его личных качеств в сфере производства. Производя культурное содержание товара, он создает особую область потребления, оказывая влияние на динамику рынков и различные индустрии. Виртуозность труда подчеркивает потенциальный политический характер трудового процесса, трудящееся множество выступает как политический субъект. Если сам труд больше не представляется, по крайней мере в теории, как процесс, который преимущественно определяется своим результатом, а напоминает, как пишет Вирно, «активность без законченной работы», то что может отчуждаться в таком случае, как будет работать капитализм в своей эксплуататорской функции по отношению к человеческому труду? В этом процессе может проявиться высокая степень

отчуждения, нематериальный труд требует от человека стать субъектом коммуникации и проявлять себя виртуозно. Авторитарное навязывание определенного типа коммуникации превращает личность в объект управления и контроля, и вызывает необходимость конструирования внешней, и можно сказать, репрессивной виртуозности. Репрессивная виртуозность означает потенциальную возможность превращения виртуозности из свободного применения сил и способностей в инструмент для отчуждения личностных качеств и характеристик индивида. Иными словами, репрессивная виртуозность заставляет человека создавать и применять эти качества, это требование, исходящее со стороны другого, становление субъектом коммуникации превращается в императив применения своих способностей. Виртуозность оборачивается организацией контроля над поведением индивида. Если потенциально концепция нематериального труда напоминает заметки Маркса³⁷ о всеобщем труде³⁸, то в контексте проблемы отчуждения она не способна дать тот же самый ответ. Это создает утопичный элемент в самой теории трудящегося множества.

Раздел 3.6 *«Отступники и тактика исхода»* тематизирует возможность политического действия множества в пространстве Империи. Множество как политическое сообщество друзей иногда описывается как сообщество варваров и отступников, однако подобное клеймо имеет позитивный оттенок. Действие множества будет направлено на то, чтобы приобрести право на свободное перемещение в пространстве Империи, на овладение собственным движением, в ходе которого множество смогло бы самостоятельно выстраивать собственный жизненный маршрут. Какой способ действия множество может реализовать и насколько он отличается от других марксистских стратегий? Здесь сравниваются два типа стратегии политической борьбы в марксистской традиции: грамшианский и тактика множества, предлагаемая Негри, Хардтом и Вирно. Тактика политической

³⁷ Маркс и Энгельс 1969.

³⁸ Маяцкий 2007: 232.

борьбы как Исхода (Exodus), значительно отличается от граммшианского подхода позиционной войны как установления гегемонии. Поскольку вместо завоевания и достижения лидерства, охвата всей сети траншей, что окружают государство, Вирно и другие теоретики предлагают выйти из этих траншей и не подчиняться приказаниям командиров. Поэтому сообщество друзей напоминает сообщество отступников, которые желают образовать свое автономное сообщество. Выдвигая проект множества, можно наблюдать отказ от разработки идей, связанных с интегральным государством и отношения политического и гражданского общества. Здесь делается шаг в сторону *не-репрезентативности*, радикальной демократии нерегулярных систем и публичного пространства, основанного на общем интеллекте. Республика множества будет состоять из советов, лиг, гильдий, всего того, что Гоббс называл нерегулярными системами. Политическое действие множества реализуется в противодействии официальной политической сцене, оно использует ресурсы и возможности для учреждения республики друзей как сообщества отступников, «варваров» и изгнанников.

Заключительный раздел третьей главы *«Политическая проблема множества: путь от Спинозы до Маркса»* предлагает общую историко-философскую перспективу трансформации политической доктрины множества. Траектория понятия множества понимается как путь от Спинозы к марксизму. Антонио Негри обращается к наследию голландского философа, чтобы увидеть в нем возможности для новой материалистической философии, в которой, происходит, по словам Морфино, «дизартикуляция онтологии и истории»³⁹. За этой фразой скрывается идея антиисторичности множества. Обращение к старому понятию «multitudo» стремится найти устойчивый и активный элемент в политической жизни, к которому мы можем обратиться, сказав: «мы» – это множество, «мы» всегда существуем как значимый элемент политической реальности. Иными словами, для Негри, когда он начинает писать о Спинозе, множество – это не продукт Истории, а

³⁹ Morfino 2014: 231.

неотъемлемая часть политической реальности. Коллективная мощь множества открывается вновь, но уже как позитивный элемент политики.

В рамках нашего исследования истории понятия *multitudo* в политической философии, можно предложить концептуализации современной доктрины множества как политического сообщества друзей. Множество, на самом базовом уровне, фигурирует как противопоставление «мы и другие», под «другим» имеется в виду абстрактная «Империя» как главный источник власти. Теоретическая разработка доктрины множества старалась продемонстрировать, что «мы» - множество, тоже обладаем властью, и она не может быть отнята «другим». Множество является инклюзивным понятием, и вместо различения публичного и частного предлагает теорию общего, которая подразумевает общие способности, ресурсы, язык, интеллект и прочие отношения, что возникают в сообществе друзей. Политическая дружба воплощает в себе связи, которые создаются внутри сообщества, позволяя бесконечному количеству идентичностей реализовать себя в общих устремлениях.

В заключении диссертации сформулированы основные положения и финальные выводы.

На данном этапе истории понятия *multitudo*, мы можем наблюдать наличие двух отличных друг от друга политических теорий. В классической политической философии (Макиавелли, Гоббс, Спиноза) множество представлено как хаотическая материя политической реальности, оно не действует как политический агент, а «двигается» и движение множества нужно контролировать с помощью институтов государственной власти или других схожих инструментов. Масса является реинтерпретацией этого смысла понятия множества, добавляя при этом ряд новых элементов: социальный и культурный кризис, опасность и слабость демократических институтов, атомизация общества и тоталитарные движения. В марксизме масса хоть и воспринимается более позитивно чем в трудах Арендт, Лебона и других, однако все также актуализируется проблема стихийности и

спонтанности массы, она не может самостоятельно без внешней организации совершить революцию. Современная доктрина множества, по сути, радикально переворачивает картину. Вместо самодвижущийся политической материи, которая нуждается в лидере и организации, множество приобретает онтологические черты, которые сразу демонстрируют нам возможность для автономного политического сообщества – республику друзей.

Два изученных нами подхода к множеству имеют свои сильные и слабые стороны, что нужно учитывать при изучении теории множества. Первый подход ограничивает субъективность множества, наблюдая в нем лишь опасную стихию, которую нужно ослабить, приручить и подвергнуть контролю. В случае массы к этому добавляются еще проблематика образования и преодоления культурного кризиса «эпохи варварства». Грамши предлагает свою стратегию гегемонию, в которой содержится идея о необходимости повышения морального и образовательного уровня массы, чтобы ее можно было включить в процесс установления гегемонии в государстве. Второй подход принимает противоположную позицию, целиком полагаясь на имманентные силы множества, которые смогут создать сообщество, республику друзей без вертикальной организации власти. В рамках этого подхода множество превращается в полностью автономного политического субъекта, который воплощает в себе все тенденции развития современного капитализма, в этом пункте авторы доктрины множества, подобно Марксу, видят во множестве то же самое орудие, порождение капитализма, что сможет преодолеть его. Более того, множество становится бесконечным политическим субъектом, поскольку стремится быть максимально открытым и инклюзивным. Бесконечный субъект напоминает больше процесс безграничной субъективации: постоянное становление субъектом, переплетение различных идентичностей и темпоральностей. Поэтому еще одним ключевым слабым местом современной доктрины множества является эта утопичность, *а-локальность* бесконечных

субъективностей, которые размывают всякие границы, оставляя лишь пространство для своего безграничного сообщества.

Исследование политической логики множества должно учитывать два выделенных нами подхода к проблеме множества и строить пути к преодолению озвученных трудностей. Подобный поиск может располагаться в области балансировки между двумя формами политического мышления, когда множество, как большая и разрозненная совокупность людей будет рассматриваться и в логике материи политической реальности, которую необходимо контролировать и одновременно как сообщество, которое может саморегулироваться на основании внутренних принципов. Имманентность множества является существенной особенностью, что позволяет множеству проявлять себя, но ее следует сочетать с возможностью внешнего и внутреннего контроля, поскольку мощь-потенция (*potentia*) имманентности требует более сложной структуры и порядка. Это позволит прийти к более целостному пониманию роли множества в политической реальности.

Публикации по теме диссертации:

Работы, опубликованные автором в журналах, индексируемых в международных базах индексации и цитирования, а также входящих в список журналов высокого уровня НИУ ВШЭ:

1. Третьяк А.Р. (2020) Классовый проект multitude // Полития, №4. С. 35-52. ([http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4\(99\)-35-52.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4(99)-35-52.pdf))
2. Третьяк А.Р., Тинус Н.Н. (2019) Политическая логика “multitudo” в работах Гоббса и Спинозы // Полития, №4. С. 6-24. (<https://publications.hse.ru/articles/339809270>)
3. Третьяк А. Р. (2018) The Life of the Work: Virno’s Reception of Arendt’s Political Theory // Russian Sociological Review. Vol. 17. No. 4. P. 158-174. (<https://sociologica.hse.ru/en/2018-17-4/230082763.html>).

Иные публикации:

4. Третьяк А. Р. (2018) Язык как праксис: к теории речевого акта Паоло Вирно // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. Т. 13. № 3. С. 118-123. (<https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/article/view/3406>)
5. Третьяк А.Р. (2016) Ильенков и Альтюссер: Спор о гегелевском наследии // Философия Э.В. Ильенкова и Современность: материалы XVIII международной научной конференции, отв. Редактор А.Д. Майданский, Белгород: Издат. Дом БелГУ.